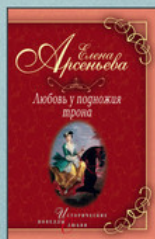

Елена Арсеньева

Красавица и Чудовище (Иоанна Грудзинская – великий князь Константин)

*Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)*

Елена Арсеньева
Красавица и Чудовище
(Иоанна Грудзинская –
великий князь Константин)
Серия «Любовь у подножия трона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161512
Любовь у подножия трона: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04439-6

Аннотация

«– Ну да, господа, ну да, ну я признаю это! – с капризной ленцой протянул красивый молодой человек в форме кавалергарда. – Она была моей, и не единожды. Как человек воспитанный и учтивый, я не мог поступить иначе. Дама от меня была без ума, она проходу мне не давала. Мне оставалось только одно – немедленно удовлетворить ее желание. И я его, клянусь, удовлетворял до тех пор, пока едва замертво не упал. Ох и жадна... Ох и жадна эта Ан-на... – скабресничал он, тонко усмехаясь и глядя на собравшихся такими искренними, такими честными глазами, которым совершенно невозможно было не поверить. И только люди более проницательные и опытные могли бы сказать, что искренности и честности такой степени просто не существует в природе...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Елена Арсеньева

Красавица и чудовище

Санкт-Петербург,

1801 год

– Ну да, господа, ну да, ну я признаю это! – с капризной ленцой протянул красивый молодой человек в форме кавалергарда. – Она была моей, и не единожды. Как человек воспитанный и учтивый, я не мог поступить иначе. Дама от меня была без ума, она проходу мне не давала. Мне оставалось только одно – немедленно удовлетворить ее желание. И я его, клянусь, удовлетворял до тех пор, пока едва замертво не упал. Ох и жадна... Ох и жадна эта Ан-на... – скабресничал он, тонко усмехаясь и глядя на собравшихся такими искренними, такими честными глазами, которым совершенно невозможно было не поверить. И только люди более проницательные и опытные могли бы сказать, что искренности и честности такой степени просто не существует в природе.

Вообще во всей этой сцене было что-то ненатуральное. Счастливый любовник публично хвастался своей победой. Ну ладно, времена рыцарства, говорят, давно канули в Лету, мужчины сделались болтливее иных кумушек, но если ты овладел сердцем (и, как уверяешь, телом!) не кого-нибудь, а великой княгини, супруги цесаревича, то не разумнее ли и приличнее было бы помалкивать о такой победе? Ну, еже-

ли тебя так уж распирает гордость, то исповедуйся ближайшим друзьям, о которых ты знаешь, что они ни словом никому не обмолвятся и не станут осквернять доброе имя согрешившей дамы болтливymi языками. Этак ведь и приличнее, и гораздо безопаснее для тебя будет. Рогоносец-то... ого-го кто! Брат государя! Не лучше ли поостеречься? Но болтать принародно... а самое главное, описывать интимные прелести своей дамы в присутствии Нефедьева, Чичерина, Олсуфьева и других близких друзей ее супруга, великого князя Константина... Ну, тут надо быть сущим самоубийцею!

Впрочем, штаб-ротмистр кавалергардского полка Иван Линеv самоубийцей себя отнюдь не ощущал. Он словно бы и не сомневался в своей безнаказанности. Он продолжал трепать языком, а означенные друзья обманутого супруга смотрели на него с явным одобрением. Вообще человек приметливый мог бы сказать, что Линеv сейчас более всего напоминает прилежного ученика, сдающего трудный экзамен, ну а приятели великого князя – благосклонных экзаменаторов. Или смахивает Линеv на дебютанта, играющего ответственную роль под присмотром опытных режиссеров...

А впрочем, играл он весьма правдоподобно. Настолько, что эхо сего дебюта отозвалось на другой же день в Мраморном дворце, который был отведен под резиденцию великого князя Константина и его жены Анны Федоровны. Ни свет ни заря туда заявила, kloчoca, словно перекипевший самовар, вдовствующая императрица Мария Федоровна и об-

рушилась на невестку с такой яростью, что, право, если бы она прямо с порога облила Анну крутым кипятком, та чувствовала бы себя лучше!

– Вы развратны! Вы чудовищны! Преступная жена! Боже мой, я знала, я с первой минуты знала, что он не принесет добра, этот брак! Старая дура накануне смерти выжила из ума, она всех нас держала в кулаке, я не могла возражать! Хотя ведь это очевидно, что принцесса из Кобургского дома не может быть приличной женщиной! Только девушка из Вюртембергского дома, из которого происхожу я сама, может составить счастье всей жизни человека, как я была счастьем незабвенного Паульхена!

Паульхеном вдовствующая императрица всю жизнь называла своего мужа Павла, счастье которого она якобы составила, но который при этом всю жизнь имел фавориток. Под «старой душой» подразумевалась покойная императрица Екатерина Алексеевна, известная как Екатерина Великая, которая устроила браки своих внуков: сначала Александра, потом и Константина. Сама Мария Федоровна некогда звалась Софьей-Доротеей-Луизой, принцессой Вюртембергской, а этот незначительный герцогский дом Германии имел какие-то стычки с домом Саксен-Кобургским, откуда, как уже можно догадаться, происходила великая княгиня Анна Федоровна, прежде именовавшаяся Юлианой-Генриеттой-Ульрикой.

Развратное чудовище. Преступная жена. Анна, которая

жадна...

Ни одно слово в этих обвинениях не было правдой. Это была клевета, гнусная клевета, которая обрушилась на Анну с ведома, поощрения и одобрения ее собственного мужа, великого князя Константина, второго сына покойного императора Павла I и брата нынешнего государя Александра I.

Цесаревич Константин...

Вот уж кого можно было с полным основанием назвать развратным чудовищем!..

Варшава, 1820 год

Константин с досадой дернул шейю: вдруг стал натирать воротник парадного мундира. Он украдкой провел пальцем между шейю и воротником и тотчас опустил руку, приняв привычный величавый вид. Оно конечно, до богоподобного брата Александра ему далеко, как пешком до Африки, а может, и еще дальше, однако и он, по отзывам некоторых друзей и особенно дам, имеет нечто царственное в осанке, в развороте плеч, его лицо, быть может, и не блещет холодной красотой греческой или римской статуи (вся мужская красота в их семье досталась Александру и Николаю, которые со званиями императоров уживались так же легко и привычно, как Юпитер – со званием Громовержца), зато имеет, безусловно, приятные, правильные черты, в нем присутствует неудержимая сила, которая всегда привлекала прекрасный пол. Привлекала, привлекала! Некоторые дамы по нему

с ума сходили. И она, Иоанна... Она смотрит на него так нежно... Правда, спешит как можно скорее опустить свои чудные глаза. Стыдится той страсти, которую встречает во взгляде Константина, той страсти, которая ответно вспыхивает и в ее глазах. Но спустя какой-нибудь час ей уже нечего будет стыдиться. Ведь супруги и должны смотреть друг на друга с любовью и страстью!

Боже мой, да неужели такое возможно? Неужели Иоанна Грудзинская любит его? Неужели жена вообще может любить своего мужа?! Весь опыт его предыдущей жизни подтверждал обратное.

Санкт-Петербург, 1796 год

В голубеньких глазках малышки Юлианы-Генриетты Саксен-Кобургской пока что не светилося никакой любви. Прибыв в Россию, она была просто веселой девчонкой, еще не способной на чувство к мужчине. Причем гляделась и держалась такой уж провинциалкой... Теща его, с угрюмой усмешкой вспомнил Константин, больше напоминала не герцогиню, а заштатную мещанку. Ни наряда, ни манер, ни красоты. Дочки были милы прежде всего своей молодостью и очаровательно наивны. Так, чуть ли не на следующий день после знакомства с блестящим двором Екатерины Юлиана уже вполне освоилась и так обрадовалась, что отныне жизнь ее будет протекать среди этого утонченного сверкания, что подошла к великой княгине Елизавете Алексеевне, посмотрела

в ее прелестное, очаровательное лицо и, уцепив за ушко, весело сказала:

– Душенька!

Елизавета, которая обожала такую вот нежную простоту в обращении, пришла в восторг. Императрица Екатерина добродушно расхохоталась, хотя и подумала: «Красива, но плохо воспитана!» Мария Федоровна была скандализирована и сделала огромные глаза. А Константину стало отчего-то тоскливо. Девчонки-простушки его нисколько не интересовали. Какая жалость, что графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, русскому посланнику в Вене, не удалось высватать Константину дочку своей бывшей любовницы, неаполитанской королевы Каролины-Марии. По слухам, королева славилась своей развратностью. Может быть, она научила бы кое-чему свою дочь? Как всех мальчишек, воспитанных в благочестивой строгости, Константина ужасно тянуло к крайнему разврату. Тем паче что милая бабуля Екатерина Алексеевна не больно-то старалась прикрывать флером приличий свои нежные отношения с молодыми красавчиками...

Кстати, именно милая бабуля и пресекла сватовство Разумовского, усмотрев в этом желание «шалунишки Андре» (таково было прозвище графа Андрея еще в те давние времена, когда он потрясал русскую столицу своими похождениями) мелко отомстить ей за ту опалу, которой она подвергла его в отместку за смертельную любовь к нему принцессы Вильгельмины, в православном крещении вели-

кой княгини Натальи Алексеевны. Кое-какие слухи об этой даме дошли до Константина. Наталья Алексеевна была первой женой его отца, Павла Петровича, и любовь ее к графу Андрею Кирилловичу действительно стоила ей жизни.

Итак, сватовство «шалунишки Андре» успеха не имело. Потом по поручению «милрой бабули» в Петербург привозили с десятков разных барышень из каких-то германских герцогств, но все они были отвергнуты Екатериной. Чем лучше других Юлиана, Константин не понимал, хоть убейте!

А впрочем, жениться было пора. В любом случае от жены он всегда сможет получить то, в чем отказывали ему молодки и девки, которых он выслеживал в окрестностях Царского Села и пытался задрать им юбку или грубо потискать. Они, само собой, отбивались, и тогда Константин норовил хотя бы укунить их за потные шеи и налитые плечи, запах которых будоражил его душу и плоть. От злости на этих неприступных пейзажиков, которые нипочем не хотят дать ему то, чего он так безумно хочет, он ловил крыс, которых было во дворцах немало, убивал их, затакивал в жерло небольшой, почти игрушечной пушечки, а потом стрелял в кого-нибудь. Особенно здорово было попасть в стайку фрейлин. Ох, как они удирали, поднимая как можно выше свои дурацкие юбки!..

Дурацкими Константин называл юбки потому, что их было, на его взгляд, избыточно много.

И вот ему привезли Юлиану. Она всем понравилась, а мнения Константина никто особо не спрашивал. Вскоре

окрестили ее Анной Федоровной, потом состоялось обручение, затем, 15 февраля 1796 года, и венчание. Выдался такой мерзкий денек, мокрый снег сменялся дождем. Константин стоял под венцом, который для него держал вельможа прежних дней Иван Иванович Шувалов, косился на императрицына фаворита Платона Зубова, дивился иронии судьбы (Шувалов был в свое время фаворитом Елизаветы Петровны, вот же чудно сошлись два шафера!), поглядывал незаметно на аккуратненький профиль своей невесты – и у него становилось кисло во рту. Он никогда не отличался способностью к предвидению, однако сразу почуял, что брак его с этой наивной крошкой вряд ли будет счастлив.

И как в воду глядел!

Варшава, 1820 год

Константин уловил какой-то странный, сладкий аромат и недоуменно повернул голову. Да это сирень, это сирень расцвела! Рановато что-то, ведь сегодня только 12 мая. Такое впечатление, что сирень эта расцвела специально в честь его свадьбы с Иоанной.

Какой день сегодня, Боже мой! Как играет солнце на каменных стенах церкви королевского замка, куда Константин только что приехал из Бельведера!¹

¹ Дворец в Варшаве, резиденция великого князя Константина Павловича, главнокомандующего польской армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.